

На следующее утро, едва рассвело, Вэнь Шияня разбудил шум.

Раньше он вставал очень рано, но, видимо, долгая дорога на поезде и переутомление взяли свое, из-за чего сегодня он проспал дольше обычного.

— Будешь умываться? — Сы Цинъюэ тоже проснулся и, заметив, что Вэнь Шиянь открыл глаза, тут же задал вопрос.

Новым ссыльным молодежным активистам в первые два дня позволялось ничего не делать. Это время давалось на то, чтобы они привели в порядок свои вещи, разобрались с запасами продовольствия и наладили быт.

— Вэнь, ты встал? Почему вчера вечером не вышел ужинать? Нельзя же так, голодать вредно. Впредь не делай так больше, — обратился к нему один из старожилов с простоватым лицом.

Он смотрел на Вэнь Шияня с таким участием, словно был добрейшей души человеком, но сам Вэнь Шиянь так не считал. Если бы он не слышал вчера вечером, как яростно эти люди грызлись из-за еды, он бы ни за что не поверил, насколько переменчивыми они могут быть.

— Благодарю за беспокойство, но у меня есть свои припасы, так что не стоит тратить на меня силы, — ответил Вэнь Шиянь.

— Вы так любезны, мы, новички, очень признательны за заботу. Уверен, с вашей помощью мы быстро вольемся в коллектив, — с мягкой улыбкой произнес Сы Цинъюэ, говоря совершеннейшие нелепости. Казалось, он вовсе не слышал вчерашней перебранки.

— Сы, похоже, вчера ты пропустил их слова мимо ушей. Они вовсе не собираются принимать нас в свой круг, — заметил один из новичков, глядя при этом не на Сы Цинъюэ, а неотрывно на Вэнь Шияня.

Сы Цинъюэ очень хотелось заслонить собой Вэнь Шияня. Эти люди вели себя крайне бестактно: они беззастенчиво глазели на него, даже не задумываясь, имеют ли они на это право.

— Что ты такое говоришь? Мы что, не помогаем вам? Мы не только одолжили вам зерно, но и поделились своей утварью! А ты теперь заявляешь, что мы вам не помогаем? Знал бы — ничего бы не давали!

— Пора на работу, хватит шуметь, — вовремя подоспел Чжао Гуанмин, пресекая назревающий спор.

Он с необычайной нежностью посмотрел на Вэнь Шияня:

— Вэнь, вам с товарищем сегодня и завтра можно не выходить на работы, почему бы не отдохнуть подольше?

— Есть дела, — ответил Вэнь Шиянь, после чего поинтересовался: — Можно воспользоваться вашей водой? Мы потом вернем.

— Конечно, можно. Можете не возвращать, никто не будет в обиде, — Чжао Гуанмин обычно так не разговаривал, но, увидев Вэнь Шияня, не смог сдержаться.

Вэнь Шиянь словно обладал магической силой: стоило на него посмотреть, как отвести взгляд становилось невозможно. Хотелось лишь делать ему добро, хотелось, чтобы он заметил тебя.

— Не нужно, вы ведь с таким трудом носите эту воду. Мы с Шиянем обязательно вернем, думаю, остальные наши товарищи тоже так считают, — Сы Цинъюэ был явно недоволен, он не понимал, что несет Чжао Гуанмин.

Остальные новички поддержали Сы Цинъюэ. Вэнь Шиянь приехал вместе с ними, и если им понадобится вода, они сами могут ее принести, незачем пользоваться помощью старожил.

— Ну, как знаете. Мы пошли работать, — Чжао Гуанмин равнодушно усмехнулся. Он никогда и не собирался предлагать воду бесплатно всем остальным.

Как только он ушел, остальные новички окружили Вэнь Шияня. Они наперебой принялись обсуждать вчерашние события, словно искали у него утешения или внимания. У них, новичков, еще не было сплоченности, но, глядя на Вэнь Шияня, им хотелось выплеснуть свое недовольство. Они подсознательно видели в нем свою опору, словно он мог решить все их проблемы.

Однако Вэнь Шиянь не желал в это ввязываться. Он мог бы обеспечить им сносную жизнь, но это повлекло бы за собой массу хлопот, а он подсознательно не любил неприятности, особенно если они не приносили никакой выгоды.

— Прощу прощения. Со всеми вопросами обращайтесь к старшему бригадиру, а мне пора умываться, — холодный взгляд Вэнь Шияня заставил окружающих его людей замолчать.

Под этим взглядом они вдруг вспомнили, что познакомились всего лишь вчера вечером. Они были чужими людьми, и такая реакция Вэнь Шияня была вполне естественной, но почему же на душе стало так тоскливо?

Вэнь Шиянь и Сы Цинъюэ отошли в сторону. Вэнь Шиянь наблюдал за окружающими и сравнивал их с Сы Цинъюэ. Тот, казалось, был совершенно невосприимчив к чужому влиянию. Неужели всё дело в его силе воли?

Закончив умываться, они съели вчерашние припасы и отправились искать Цзян Кайфэна. Шли они молча, но атмосфера между ними была не неловкой, а, напротив, гармоничной.

— Вэнь, ты завтракал? Возьми, это очень вкусно, — Линь Цзяоцзяо догнала его и протянула вареное яйцо.

Яйцо было белым, но руки Линь Цзяоцзяо казались еще белее, нежными и гладкими. Любой другой на его месте уже был бы покорен — красивая девушка смотрит на тебя с таким обожанием, как тут не растаять?

Но Вэнь Шиянь отказался. И хотя девушки-активистки не понимали причин его отказа, от этого он стал казаться им еще привлекательнее — настолько он был честным и принципиальным.

— Не хочешь — выбрасывай. Я, Линь Цзяоцзяо, назад подарки не забираю, — гордо заявила она, уже представляя, как он будет есть это яйцо.

Раньше император ухаживал за ней подобным образом, и тогда она чувствовала, что не может отказать, находя в этом особую, неопишемую статью.

Вэнь Шиянь нахмурился:

— Во-первых, Линь, я не принимал твоего яйца, поэтому что ты с ним будешь делать — меня не касается. Во-вторых, хочу заметить: сейчас многие голодают. Если тебе так хочется помогать людям, думаю, они будут счастливы услышать эти слова от тебя.

Сказав это, он обошел Линь Цзяоцзяо, совершенно не заботясь о том, неловко ей или нет.

— Вэнь Шиянь, ты бессердечный! Я встала ни свет ни заря, чтобы ты мог съесть горячее яйцо, а ты так со мной поступаешь! Ты просто неблагодарный!

По щеке Линь Цзяоцзяо скатилась слезинка, выглядевшая пугающе эстетично — словно этот жест был заранее отрепетирован, чтобы вызвать жалость.

— Линь, нельзя же так говорить. Вэнь тебя не просил варить яйцо. Перестань плакать, а то люди подумают, будто он тебя обидел, — окружающие смотрели на нее смущенно. Линь была красавицей, о которой они могли только мечтать, но даже это не давало ей права нападать на Вэнь Шияня. Как она смела тревожить такого человека? Они не понимали, почему она считает себя вправе приближаться к нему. Вэнь Шиянь был настолько хорош, что они могли лишь молча любоваться им издалека.